

АПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ МИФ «ПОЭМЫ БЕЗ ГЕРОЯ» А. АХМАТОВОЙ

Светлана В. Бурдина

Пермский государственный университет, Россия

The article touches upon the most significant Anna Akhmatova's work "The Poem without a Hero" that appeared to follow "Requiem" in poetic interpretation of evangelic theme of Crucifixion in the light of tragic destiny of the generation.

To show the reflection of the Apocalyptic myth the author of the article researches the biblical cues of the poem, which is penetrated with gospel images, allusions, reminiscences from Genesis. They all, refracted through the prism of apocalyptic eschatology, reconstruct the Time – the prethunderstorm atmosphere of 1913, mirror the sensation of impendent Retribution.

Special attention is paid to the key images of the poem – the image of Chalice. Being a poetical reflection of the biblical symbol of Crucifixion, the image of Chalice in Akhmatova's poetic space is urged to explicit the idea of the generation's destiny, propitiatory sacrifice.

«Поэма без героя» явилась в творчестве Ахматовой следующим после «Реквиема» этапом художественного осмысления *евангельской темы Распятия* в связи с трагической судьбой поколения. Проецируясь на образ Петербурга, актуализируя в семантическом пространстве поэмы оппозицию «жизнь – смерть» как основную, символика Распятия и здесь, в итоговом произведении Ахматовой, стягивала в единый узел все болевые точки поэмы, предлагала ключ к пониманию нравственной позиции автора.

Символика Распятия с его основной идеей превращения древа смерти в древо жизни накладывается в пространстве Поэмы на один из основных ее библейских образов – *образ Чаши*. Выражая представление о возрождении, потребовавшем смертного искупления, образ Чаши является ключевой метафорой поэмы, кодом к ее дешифровке.

В библейскую семантику образа Чаши вписывается в Поэме и мысль о необходимости принять выпавшие испытания как предначертанные свыше, неизбежные. «Еще, отошед в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! Если не может чаша сия миновать Меня, чтобы мне не пить ее, да будет воля твоя» (Мф. 26, 42), – говорится в Евангелии. Стремясь запечатлеть представление о гибельности, смертоносности содержимого Чаши-судьбы, пить из которой невыносимо, но не пить – невозможно («Но продуман распорядок действий / И неотвратим конец пути...»), автор неоднократно в Поэме обращается к *мотиву отравленного вина*: «И вино, как отравя, жжет»¹; «И, увы, содомские Лоты/Смертоносный пробуют сок» (3, 178); «Яд неведомый пламенел» (3, 192). Мотив отравленного вина восходит к следующим строкам Апокалипсиса: «Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источник вод. Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (Откр. 8, 7-11).

Отравленный напиток – метонимическая примета образа Чаши. Поэтому вполне логично, что в стихотворении 1959 года («Из набросков») мотив отравленного вина (отравленного сока) включался Ахматовой в картину всеобщего Апокалипсиса:

*Даль рухнула, и пошатнулось время,
Бес скорости стал пяткою на темя
Великих гор и повернул поток,
Отравленным в земле лежало семя,
Отравленным бежал по стеблям сок,
Людское мощно вымирало племя,*

¹ Ахматова А.А. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1998. Т. 3. С. 171. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома, книги и страницы в скобках.

И знали мы, что очень близок срок (2, 2, 35).

Воссоздавая образ мира, в котором сместились все привычные и устойчивые параметры, эти строки вводят произведение в пространство библейского текста, заставляют вспомнить апокалиптические картины и образы: «Горы сдвинутся и холмы поколеблются...» (Ис. 54, 10); «И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих...» (Откр. 6, 14). «Не последние ль близки сроки?» – В 1959 году Ахматова, похоже, уже знала ответ на главный вопрос «Поэмы без героя». Спроецированный на Поэму этот поэтический фрагмент позволяет более определенно интерпретировать некоторые настойчиво звучащие в произведении образы-предчувствия. Так, отравленный напиток – образ, связанный и в Поэме с ощущением приближающейся Развязки («До смешного близка развязка...») как неизбежной Расплаты («Все равно приходит расплата») за былые грехи:

*Санчо Пансы и Дон Кихоты,
И, увы, содомские Лоты
Смертоносный пробуют сок,
Афродиты возникли из пены,
Шевельнулись в стекле Елены,
И безумья близится срок (3, 178).*

Мотив отравленного вина достаточно органично вписывался в творчестве Ахматовой в картину Апокалипсиса. Существенной приметой иррационального и нереального мира («Афродиты возникли из пены, / Шевельнулись в стекле Елены» – 3, 178) является этот мотив и в «Поэме без героя». Библейская кодировка процитированного поэтического фрагмента обуславливает и особенности реконструируемой в нем картины мира – мира ирреального и абсурдного, мира, в котором чудовищно исказились все привычные пропорции, разрушились все устойчивые представления. Заметим, что упоминание о подступающем безумии не является в этом случае попыткой автора «реалистически» мотивировать иррациональный характер происходящего. Обращение к образам надвигающегося безумия, воссоздание картины пораженного заразой сумасшествия мира – только это и могло помочь Ахматовой наиболее адекватно передать сущность времени, которое начинало свой отсчет сразу же за роковым «порогом» тринадцатого года.

Будучи поэтической проекцией библейского символа Распятия, образ Чаши в пространстве ахматовского текста призван в первую очередь эксплицитно выразить идею искупительной жертвы. Именно поэтому нельзя не сказать о главной, может быть, ипостаси воплощения этого ключевого в Поэме образа. Образ-символ Чаши реализуется в «Поэме без героя» через пронизывающее все произведение ощущение надвигающегося Возмездия, ставшее отражением как собственных, то смутных, то явных, предчувствий, так и общего ожидания «приближения сроков», столь характерного для напряженной предгрозовой атмосферы 1913 года. Отражившееся в Поэме состояние перехода, рубежности исторического времени наиболее точно передает формула Ахматовой, являющаяся вольной цитатой библейского текста: «Времени больше не будет». По словам В.Н.Топорова, поэма Ахматовой – «именно о такой ситуации, и близость свершения сроков – ее лейтмотив» (Топоров 1989: 16). Настойчивые вопросы и пророчества звучат в Поэме неумолкаемо: «Не последние ль близки сроки?» (3, 174); «Не предчувствием ли рассвета по рядам пробежал озноб?» (3, 181); «До смешного близка развязка» (3, 181); «Пятым актом из Летнего сада / Пахнет» (3, 181); «Все равно приходит расплата» (3, 180).

Но тревожные предчувствия, связанные с переживанием событий тех лет в их зловещей перспективе, с ожиданием неотвратимой развязки, надвигающейся катастрофы, приближающегося исторического рубежа, проявились в Поэме не только, конечно, в виде риторических вопросов и пророчеств. Есть в произведении и картины, являющиеся своего рода развернутой материализацией «ощущения Канунов», чувства Конца:

*Были святки кострами согреты,
И валились с мостов кареты,
И весь траурный город плыл*

*По неведомому назначенью,
По Неве иль против теченья, –
Только прочь от своих могил.
На Галерной чернела арка,
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.
Оттого, что по всем дорогам,
Оттого, что ко всем порогам
Приближалась медленно тень,
Ветер рвал со стены афиши,
Дым плясал вприсядку на крыше
И кладбищем пахла сирень (3, 185).*

«Длинная косая тень, что была отброшена началом века на все столетие, пролегает и через Поэму» (Павловский 1999: 71). «Мотив растущих теней, падающих на город» (Смирнов 1978: 228), восходит к образу Вяч. Иванова, а точнее – к метафоре немецкого историка Теодора Моммзена в изложении его ученика Вяч. Иванова: «Мировые события не замедлили надвинуться за тенью их: ибо, как говорит Моммзен, они бросают вперед свои тени, идя на землю» (Иванов 1909: 311).

У образа тени – роковой, надвигающейся на «траурный город», зловещей – есть (как и положено в зазеркаленном пространстве «Поэмы без героя») свой двойник, или «поэтически тождественный» образ, – «будущий гул»: «И всегда в духоте морозной, / Предвоенной, блудной и грозной, / Жил какой-то будущий гул...» (3, 186)

Вяч. Иванов считал, что «как раз на меже новой астральной эры были уловлены чуткими душами как бы некие новые содрогания и вибрации в окружающей нас интерпсихической атмосфере и восприняты как предвестия какой-то иной неведомой и грозной эпохи» (Иванов 1909: 311). «На днях, лежа в темноте с открытыми глазами, слышал гул, гул; думал, что началось землетрясение» (Блок 1965: 383), – записывает Блок. «Будущий гул», «подземные гулы», «шумы времени», «злая нота на «у»... – не восходят ли все эти содрогания и вибрации, услышанные и воплощенные художниками начала века, к библейским пророчествам? Так, в книге пророка Иеремии читаем: «Пронесется гул вопля от Вавилона и великое разрушение – от земли Халдейской» (Иер. 51, 4); «От шума падения их (жилищ) потрясется земля...» (Иер. 49, 21); «От шума взятия Вавилона потрясется земля...» (Иер. 50, 46). Не о том ли шуме пророчествовал и Иезекииль: «От шума всадников и колес и колесниц потрясутся стены твои» (Иез., 26, 10).

Тревожные предчувствия начала века, все эти «подрагивания атмосферы», уловленные «наиболее чуткими душами» в предгрозовой атмосфере 10-х годов, Ахматова художественно воплотила в «Поэме без героя». Пророческий гул, предвестник Конца, здесь слышен вполне отчетливо. Не надо, правда, забывать, что Ахматова в Поэме смотрела на 13-й год и судила его с позиций 40-го, т.е. с высоты обретенных за несколько трагических десятилетий видения и знания. Так что апокалиптическую картину надвигающейся на город Тени можно считать художественной реализацией абстрактных и смутных предчувствий начала века, выполненной с учетом их исторической перспективы – в проекции на уже известное автору будущее. Воссозданная Ахматовой в третьей главе «Петербургской повести» картина приближения «Настоящего Двадцатого Века» – с рвущимся ветром, пляшущим дымом, с инфернально отсвечивающим Петербургом, уходящим в туман и вновь возникающим из мрака, – приобретает черты явного сходства с Откровениями Иоанна Богослова. Образ мистически зависшего над веком месяца – зловещего, пугающего, неестественно яркого, словно пришедшего в Поэму с театральной декорации начала века, озаряющего всю картину серебряным, т.е. холодным и мертвенным, светом, довершает это сходство: «И серебряный месяц ярко над серебряным веком стыл» (показательна здесь замена глагола «плыл», существующего в первом варианте Поэмы, на глагол «стыл»).

Кстати, в картину событий, изложенных в Откровении Иоанна Богослова, явно вписываются и те фантастические изменения художественного пространства, которые сопровождают появление необычных гостей в Фонтанном Доме. Параллельность двух текстов – библейского и ахматовского – не увидеть невозможно. Пространство, реально, фактически существующее, начинает трансформироваться буквально на глазах, игнорируя какие бы то ни было закономерности: «А для них распахнулись стены, / Вспыхнул свет, завывли сирены, / И, как купол, вспух потолок...» (3, 172). Вспомним: события, о которых повествует Апокалипсис, часто сопровождаются неожиданными и яркими вспышками непривычного света. Здесь – и свет «семи золотых светильников» (Откр. 1, 12), и образы «пламени огненного» (Откр. 1, 14). В этой же связи интересно обратить внимание и на описание престола, от которого «исходили молнии и громы и гласы, и семь светильников огненных горели перед престолом...» (Откр. 4, 5). Показательно, что библейский аналог есть и у сопровождающего необычное «световое» явление звукового образа – «воя сирен». Думается, провести аналогию между «воем сирен» у Ахматовой – и «громким голосом, как бы трубным» в Откровениях Иоанна Богослова (Откр. 1, 10) вполне возможно; кстати, «трубные голоса» имеют и семь Ангелов, возвещающих о страшных казнях (Откр. 8, 6; 8, 8).

И еще одно наблюдение, касающееся образов «светового» ряда, может, на наш взгляд, показаться интересным. Заметим, что осмысление рассвета, заката, света как знаков-предвестников наступающего Страшного Суда нередко можно встретить в лирических произведениях Ахматовой; наиболее рельефно эта особенность проявилась в стихотворениях «Все расхищено, предано, продано...» (1921); «Земля, хотя и не родная...» (1964); «Из дневника путешествия» («Светает – это страшный суд...») (1965). Мистическая связь между рассветом и предчувствием Конца эксплицирована в Поэме следующим образом:

*Звук оркестра, как с того света
(Тень чего-то мелькнула где-то),
Не предчувствием ли рассвета
По рядам пробежал озноб?* (3, 181)

Очевидно, что сама зависимость между рассветом и приближением Конца также восходит к Священному Писанию: «И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его... Ворота его не будут запираются днем; а ночи там не будет» (Откр. 21, 23; 21, 25). Обращение к источнику не оставляет никаких сомнений относительно того, что речь здесь идет именно о событиях апокалиптического плана. Кстати, знаком смерти является рассвет и в романе Булгакова (связь между рассветом и финалом жизни здесь самая прямая): «Мастер и Маргарита увидели обещанный *рассвет*. Он начинался тут же, непосредственно после полуночной луны... Смотри, вон впереди *твой вечный дом*, который тебе дали в награду» (Булгаков 1988: 737).

Воссозданная у Ахматовой в inferнальном ключе картина приближающегося рассвета меньше всего может быть прочитана в своей прямой, буквальной проекции – как окончание власти тьмы и ночи; на это указывает и отсутствие традиционного символа рассвета – крика петуха: «Крик петуший нам только снится». Предчувствие рассвета, символизируя приближение Возмездия, впрямую соотносится в тексте Ахматовой с мотивом неизбежной расплаты: «Все равно приходит расплата»; «До смешного близка развязка»; «Пятым актом из Летнего сада / Пахнет...»; «Ведь сегодня такая ночь, / Когда нужно платить по счету» (3, 183). Данную коннотацию образа рассвета, этого знака-вестника, закрепляет и ощутимо во второй главе проявленный «блоковский» контекст, главной функцией которого в «Поэме без героя» стала экспликация мотива Возмездия, Греха и Расплаты. Блоковский слой возник, как известно, во второй главе Поэмы в редакции 1956 года.

В апокалиптическое поле вводит Поэму и еще один ее «световой» образ – звезды. На то, что звезда в «Поэме без героя» – образ, жестко вписанный в поле смерти, указывает в первую очередь тот контекст, в котором он появляется. Образ яркой зловеще застывшей «в темном небе» звезды, соотнесенный с образом серебряного месяца, стынувшего «над серебряным веком», казалось бы, довершает создание единой апокалиптической картины

мира в «Поэме без героя». Возникая в «Эпилоге», обращенном к «защитому» Городу – блокадному Ленинграду, как символ уже иной пространственной реальности («Это где-то там – у Тобрука, / Это где-то здесь – за углом»), как знак «подключения» ко времени вечному («Пусть теперь остановится время...»), этот образ не случайно, конечно, предваряет повествование о трагических событиях в судьбе Города и Героини: «А земля под ногой гудела, / И такая звезда глядела / В мой еще не брошенный дом...» (3, 199-200)

Образ звезды, заглядывающей «в еще не брошенный дом», отсылает читателя к «Реквиему» – произведению, в семантическом поле которого именно звезда, впрямую соотнесенная со смертью и жестко вписанная в картину вселенской катастрофы, оказывается главным символом наступающего Апокалипсиса: «Звезды смерти стояли над нами...» (3, 23); «И прямо мне в глаза глядит / И скорой гибелью грозит / Огромная звезда» (3, 25). Как зловещий символ смерти предстает этот «вечный образ» Священного Писания и в «Поэме без героя». Показателен и тот контекст, в котором возникает здесь упоминание о звезде: и в этом случае звезда (вернее, ее отсутствие) оказывается знаком остановившегося времени Апокалипсиса:

*Крик петуший нам только снится,
За окошком Нева дымится,
Ночь бездонна и длится, длится –
Петербургская чертовня...
В черном небе звезды не видно,
Гибель где-то здесь, очевидно... (3, 176)*

Ахматовский образ звезды, яркой и падающей, восходит к Библии, его символика оказывается здесь впрямую соотнесенной с тем контекстом, в котором появляется этот образ в Книге Бытия: «И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба...» (Мф. 24, 29). Но особенно часто возникает образ звезды в Апокалипсисе: «Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод» (Отк. 8, 10). «Пятый Ангел вострубил, и я увидел Звезду, падающую с неба на Землю, и дан ей был ключ от кладязя бездны. Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязи. Из дыма вышла саранча на Землю...» (Отк. 9, 1-3; выделено мной. – С.Б.).

Заметим, что в Откровениях Иоанна Богослова появлению звезды сопутствует дым – также признак зловещий и неблагоприятный, еще один знак наступающего Конца (Отк. 9, 1-3). Сопряженный в пространстве библейского текста с образом звезды дым – одна из основных примет апокалиптической действительности и в «Поэме без героя»: «Дым плясал вприсядку на крыше» (3, 185); «Хлопя дыма», «сумрак хвой» – признаки, предваряющие появление старого Калиостро, «изящнейшего сатаны» (3, 192). «Но такие таятся чары / В этом страшном дымном лице» (3, 82), – сказано о Блоке. Кстати, обращает на себя внимание и то, что образы звезды и дыма у Ахматовой также совмещаются в едином контексте: «За окошком Нева дымится... / В черном небе звезды не видно» (3, 176).

Апокалиптический миф отсвечивает в Поэме и благодаря другим образам того же семантического ряда. Дым, туман, ветер, мрак, сумрак, тьма – все это признаки иной реальности, знаки-вестники, моделирующие картину Апокалипсиса: «Ветер рвал со стены афиши» (3, 185); «Город в свой уходил туман / И выглядывал вновь из мрака» (3, 185); «Здесь под музыку дивного мэтра – / Ленинградского дикого ветра...» (3, 182); «Я, к стеклу приникшая стужа...» (3, 184); «Кто застыл у померкших окон... / У кого пред глазами тьма? – / «Помогите, еще не поздно! / Никогда ты такой морозной / И чужою, ночь, не была!» (3, 187). Мрачные, «траурные» тона преобладают и в цветовой гамме Петербурга, придавая образу инфернальный оттенок: «И весь траурный город плыл...» (3, 185); «На Галерной чернела арка» (3, 185); «На него беспощадно наводит / Тусклый луч угловой фонарь» (3, 187).

Описание траурного города, погруженного в морозную ночь, тьму, мглу, стужу, освещенного мертвенным светом «серебряного месяца», уходящего в туман, является выражением предгрозового состояния мира, застывшего в тревожном ожидании. «Серебряный век», подобно обреченному Царскому Селу в «Русском Трианоне», живет в смутном и томительном ожидании своего конца. Кроме того, в Поэме упоминается Долина Иосафата – долина Страшного Суда, появляется образ Князя Тьмы, Владыки Мрака – «самого изящнейшего сатаны». Есть в поэме образы и картины, прямо и недвусмысленно свидетельствующие о наступлении исторической катастрофы: «Рухнули зданья», «Валились с мостов кареты»; «Ветер рвал со стены афиши» и др. Наконец, в «Эпилоге» Поэмы появляется образ пути, символизирующий в каждой из поэм ахматовской трилогии дорогу к смерти, путь погребальный.

«Поэма без героя» проникнута предощущением Конца, пронизана явными эсхатологическими мотивами, образами, «преломившимися сквозь призму апокалиптической эсхатологии» (Иванов 1909: 311). Еще К.И. Чуковский говорил об отражении в Поэме «апокалиптического чувства конца»: «...накануне войны (...) все жили под знаком гибели» (Чуковский 1964: 202). Поэтической версией Страшного Суда называет «Поэму без героя» современный исследователь христианской образности в творчестве Ахматовой (Руденко 1996: 16). Показательно, что остро выраженное в Поэме чувство конца, точнее «начала конца» (А. Белый), эсхатологическую суть поэмы А.И. Павловский передает с помощью следующей метафоры: в «Поэме без героя» уже отчетливо слышен «шум второго всемирного потопа, образовавшегося от слияния всех великих рек мира» (Павловский 1999: 72). Скорее всего, этот образ был подсказан исследователю сном Ахматовой, о котором она скажет в Рабочих тетрадах: «Мой сон накануне превосходил все, что в этом роде было со мной в жизни. Я видела планету Землю, какой она была через некоторое время (какое?) после ее окончательного уничтожения. Кажется, я все бы отдала, чтобы забыть этот сон» (Ахматова 1996: 486). Со слов Ахматовой этот сон так пересказал А. Найман: «Мой сон я видела в ночь на 1 октября. После мировой катастрофы я, одна-одинешенька, стою на земле, на слякоти, скольжу, не могу удержаться на ногах, почву размывает. И откуда-то сверху, расширяясь по мере приближенья и поэтому все более мне угрожая, низвергается поток, в который соединились все великие реки мира: Нил, Ганг, Волга, Миссисипи... Только этого не хватало» (Найман 1989: 5).

Не это ли чувство – конца времени, надвигающейся смены эпох – и имела в виду Ахматова, «великий трагик-пророк в нашей литературе» (А. Павловский), когда в прозаических заметках о Поэме писала: «Но по тому высокому счету помочь ей все равно невозможно...» (3, 251). Поэма Ахматовой неспасаема: «И Ангел поклялся живущим, что времени больше не будет...»

Да, в «Поэме без героя» Ахматова вплотную подошла к порогу, за которым – «абсолютная неизвестность и столь же абсолютная неподвластность индивидуальным усилиям» (Павловский 1999: 72). Да, вопрос, заданный голосом свыше в «Эпилоге» поэмы, очень уж напоминает другой вопрос – прозвучавший в другой Поэме веком раньше. Да, финал Поэмы, с его мотивом «вознесения», с открывшейся героине перспективой Дороги, отсылает к другому знаменитому финалу русской литературы – щемящему и пронзительно грустному, несмотря на внешнее благополучие, исхода: «Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду» (Булгаков 1988: 737). И тем не менее «...ахматовская поэма – не об апокалипсисе, – но о преодолении апокалипсиса, о новых возможностях истории» (Мусатов 1998: 364). Путь на Голгофу становится у Ахматовой – через смерть – путем в вечность. Таков ответ Ахматовой на «вечный» библейский вопрос: «Камо грядеши?» – «Куда идешь Ты?»

Библиографически список

- Ахматова А.А.* Собрание сочинений: в 6 т. / А.А. Ахматова. М., 1998. Т.3.
- Булгаков М.А.* Романы / М.А. Булгаков. М., 1988.
- Блок А.* Записные книжки 1901–1920 / А.А. Блок. М., 1965.
- Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966)* / А. Ахматова. Москва; Торино, 1996.
- Иванов Вяч.* О русской идее / Вяч. Иванов // По звездам: Статьи и афоризмы. СПб., 1909.
- Мусатов В.В.* Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века / В.В. Мусатов. М., 1998.
- Найман А.* Рассказы об Анне Ахматовой: Из книги «Конец первой половины XX века» / А. Найман. М., 1989.
- Павловский А.И.* Поэма начала и роман конца (роман «Пирамида» Л. Леонова и «Поэма без героя» А. Ахматовой) / А.И. Павловский // Рус. лит. 1999. № 4.
- Руденко М.С.* Художественное осмысление религиозных образов и мотивов в поэзии Анны Ахматовой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. / М.С. Руденко. М., 1996.
- Смирнов И.П.* Поэтические ассоциативные связи «Поэмы без героя» / И.П. Смирнов // Традиции в истории культуры. М., 1978.
- Топоров В.Н.* «Поэма без героя» в ритуальном аспекте / В.Н. Топоров // Анна Ахматова и русская культура начала XX века: Тез. конф. ИМЛИ. М., 1989.
- Чуковский К.* Читая Ахматову / К. Чуковский. М., 1964. № 5.